

Модель беспорядка

Я все думаю, чем это всю дорогу занимаюсь. Да тем же, чем и все. Вглядываюсь, пытаюсь уловить упорядоченность. Неважно, в чем. Как бы выявляю некую формулу порядка. Что, в общем, вполне нормально, то есть в пределах нормативного мироощущения, я бы даже сказал, МИРОПРИЯТИЯ. Это такая наша врожденная особенность: желание комфорта, стремление придать хаосу видимость предсказуемости, а то и управляемости.

Который раз вспоминаю нашего университетского физика. В пределах банальной мудрости — фигура поистине выдающаяся. Он как-то спросил аудиторию: "Как вы думаете, а чем, собственно, занимается наука? Любая наука". Мнения разошлись. В конце концов, лектор подтащил разношерстных мыслителей к следующему выводу. Наука, по его авторитетному мнению, занимается исключительно предсказанием, прогнозированием. Грубо говоря, отвечает на вопрос, что получится, если сделать то-то и то-то. Может, это и есть полузагадочное "умение многих гитик"?

Если идти еще дальше, то на финише у нас выходит исключительно седативная сущность познания. Другими словами, главное не столько в деловом, так сказать, прагматизме всего процесса, сколько в профилактическом, укрепляющем оптимизм и, следовательно, драгоценное здоровье.

Короче говоря, если глубоко копать, выкапывается единственно тоска смертная.

Непредсказуемость симпатичнее. Я приведу несколько примеров. Откровенно говоря, тоже преимущественно из прагматических соображений. Потому что самонадеянно считаю, что всякий беспорядок не то чтобы вполне закономерен, но может быть апробирован на вкус, в удовольствие дегустирован. Как бы это вам объяснить. Примерно так, что каждый отдельно взятый хаос (тот же пейзаж обратной лунной стороны или натюрморт с дунайской селедкой) наверняка имеет собственный полезный смысл. Когда, скажем, беспорядочность твоего собственного как бы богемного существования совпадает с ясновидением. На языке законников это будет что-то вроде индивидуального, эксклюзивного, необщего седативного средства. И — более того: пугливость, суетливость, леность среднестатистического упорядоченного (организованного) познающего — серьезная помеха подбора этого самого уникального эксклюзивного седативного (три ОГО кряду!) препарата.

— Я уже не говорю о природе, — продолжал он, не обращая внимания на мою реплику, — какая это красота, какое величие!.. Деревья, цветы, животные!.. Горы! (Я в молодости ездил по Военно-Грузинской.) Тут все идет в ход... Все складывается из разных деталей, осколков, фрагментов воспоминаний — ничего же не забывается... Конечно, мне трудно сравниться с каким-нибудь художником или коллекционером, любителем прекрасного, но, скажу тебе, разница, в общем-то, и невелика. Разница в том только, что он видел прекрасное и знал, что оно прекрасно, а я видел и не знал. Так что еще неизвестно, кому тут из нас больше повезло, мне или ему — ему-то все это привычно, а вот для меня все вновь, свежо. Вот так. А ты, наверное, надеялся, что я в аду буду гореть, да?..

— Ну, а как мать? Видишь ее там? — спросил я и почувствовал, как мне перехватило горло.

— Нет, мы не видимся.

— Ну, а вот это вот — слава Богу! Значит, палачи и жертвы там все-таки взрость... И на том спасибо.

— Ерунду говоришь. Нет там ни жертв, ни палачей, а не встречаемся мы потому что не чувствуем в этом никакой необходимости. Ни я, ни она.

— Ну, хорошо, — сказал я. — Горы, тарелки и упаковки у тебя сложились в прекрасное. А вот во что сложились твои пьяные дебоши, твоя матерщина, твое выбрасывание нас с матерью на улицу... осколки от тех же тарелок?..

— А никаких дебошей не было.

— Вот как! Не было?

— Не было.

— Лихо. А что же тогда было?

— А ничего не было. И ничего нет. И тебя нет. Есть только я.

— Какого же тогда хрена ты ко мне заявился?

— А я и не заявлялся. Это сон. Просто сон. И угадай чей.

— Так. Это ты мне сейчас начнешь втирать что-то вроде истории про того долбаного китайца с его долбаной бабочкой? Спасибо, не надо. Это, пожалуйста, к Савицкому.

— Да ничего я тебе не собираюсь, как ты выражаешься, втирать. Зачем? Ведь ты и есть та самая долбаная бабочка.

— Ладно. Всё. Пошел в жопу, — сказал я и перевернулся на другой бок, лицом к стене.

Да, так вот за всей вываленной мною на потребительский прилавок (в корзину) невнятицей и лепетом видится, тем не менее, что-нибудь вполне конкретно, определенно неорганизованное и расхлябанное — допустим, на манер Галки Марасановой. Которая просто-таки шарила, шныряла, шлялась блудливыми своими глазищами, бликующими оливками, вываливающимися из глазниц. Ехидно говорил ей: "Галка, придется носить за тобой блюдечко — подхватывать твои маслины, чтоб не шлепнулись и не запылелись". Она же только плотоядно скалилась в ответ.

Поражало что? Что ведь не дура же, не дура. А такое ни с того ни сего отмочит, что только держись. И я держался. Потому что. Потому что — что? А хрен его знает. Что-то этакое. Была в этой ее галиматье необъяснимость, пресловутая, может быть, загадка. Другой бы глянул со стороны, так куда проще бы диагностировал: "Б... такая". И всё тут. А как еще? Когда, к примеру, едешь с ней в подмосковной электричке, а она какому-нибудь хмырю оголтело глазки строит, попыхивая сигареткой в тамбуре, и прямо-таки в первые придорожные кусты его на собеседование приглашает. И от меня, зараза, нимало не прячется. То есть ведет себя естественно. Стало быть, понравился ей мужик. Чего ж скрывать? А ведь и верно, чего.

Вот опять со своей упорядоченной логикой суюсь в ее категорически раскованный бардак. Я тогда молодой был совсем и вопросы ей задавал дурноватые. Мол, хорошо же тебе со мной, ублажаю, не бью тебя (а там и тогда как еще бивали!), жалею и такое прочее. Чего ж ты, такая-сякая, и т. д. А с чего бы ей равноценно или там с процентами отвечать? Она что, кредитно-банковское учреждение? Я жалею, значит, надо мне. Не ей же. А ежели ее повело в кусты с хорошим (предположительно) человеком, так что тут поделаешь. Так уж она неладно скроена да крепко сшита. Нелогично то есть. И имеется во всем этом какое-нибудь специфическое очарование. Как в дичке некультивированной. Слива такая бывает. Абрикос. Виноград. Кизил. И разное другое. Нравится тебе, так жуй, а нет, так сплюнь и шагай себе мимо, в даль светлую.

У нас с этой Галкой одна такая примирительная история вышла, такая трогательная, что я вдруг даже как-то сразу повзрослел. А то и помудрел, хотя это вряд ли.

Прихожу как-то к домику — они вдвоем с матерью жили за 101-м московским километром, в окрестностях Ступино. Мамаша, между прочим, самогоном приторговывала, тем и кормились. А наша воинская часть летом поблизости базировалась. Я тогда срочную служил, искал, как обычно, где бы бухлом разжиться, да так на Марасановых и напоролся. Меня

о них еще местные предупреждали как-то по-булгаковски, что, мол, нехорошая квартира (домина). А я на то залихватски отмахнулся.

Да, так вот прихожу поздно вечером к дому — у нас в части режим был вполне беспризорный (жили в палатках, разбредались по хозработам в радиусе нескольких кмэ), — а там один Галькин хахаль, здоровенный такой мужик, сибиряк, ошивается. Как-то я смутился, а он доброжелательно так со мной заговорил о том, о сем. Вот и выяснилось, что уехали обе хозяйки на пару дней к какой-то родне в Каширу. Уехали — и ладно. А нам-то что делать? Раз уж собрались отдыхать, так и надо этим делом заниматься. Ну, я-то дом марасановский знал досконально. Вынул аккуратно одно стекло на веранде и приглашаю Сибиряка: заходи, мол. И зашли.

Брага там в молочном бидоне всегда музицировала, играла то есть. Нацедил графинчик. Сели за стол. Радио включили — телевизора там не было, не больно на залипухе своей разжились. Закурили. За жизнь разговорились сердечно так. Какая она, зараза, селяви. Молочный бидон пустеет, а мы, братья молочные, — о насущном и вечном. А я, сопляк, еще разборки с "ненавистным соперником" прогнозировал. Вот тебе и наука. По радио "Битлз" поймали. Что-то такое пронзительное, ностальгическое, из "Эйби роуд", прямо слезы на глаза навернулись.

Так и просидели всю ночь. О Галке и слова не было. А когда светать стало, депортировались тем же путем и на дворе распрощались по-братски. Тут я не выдержал, говорю: "Как же мы теперь?". А он мне просто ответил: "Тебе поближе будет. Ты и ходи". Справедливо рассудил. И вся наука. Бабах — и хаос упорядочен.

Вот и выходит, что если тебе непредсказуемо улыбнулись, так оно и есть мгновенно преобразившийся беспорядок. А вовсе не тогда, когда благодарность запрограммирована. Младенческое агу. Красота неограниченная. Без багета. Живьем, черт возьми. (Господи, прости.)

А возьмем моего друга. Он запрограммировано несчастлив. Так несчастлив, что и мое счастье смущено, чуть не пошатывается. Он, понимаете, любит заимобразно. Вообще-то, это не плохо. Но и не хорошо. Фактически, реально — так, как оно есть. То есть он так устроен. И с этим ничего нельзя поделать. Он бы любил по-другому, как я ему советую, но это невозможно практически. Хотя любовь — вполне практическое занятие и одновременно непрактичное.

Это вовсе не означает, что заимобразная любовь — нечто негативное. Зачем? Это только означает склонность любящего означенным образом к упорядоченности и предсказуемости. Тут что-то наподобие законов ста-

тики (или стати — смотря, как вам больше понравится). Типа: действие равно противодействию. Ты мне, я тебе. Но не корысти ради! А уверенности (уравновешенности) для. Понимаете, о чем я? Да все о том же. О сeditивности любви. Вот вам и подлинные ее мотивы. Как там? Сохраняет состояние покоя или прямолинейного равномерного движения. Термин: functional love — любовь функциональная.

Мало мне было Галки Марасановой и длинной, будто очередь в Мавзолей, череды Галок для галочки. Такое самоутверждающееся молодечество — коллекционирование подруг. В очередной раз ждал и даже добивался от них предсказуемой адекватности. Как будто за стеной моей берлоги не хаос бесновался, а на цыпочках выхаживала персонально и лично Благодарять.

Покой мне только снился. Хотя на самом деле он был разлит повсюду — этот млечный путь. Надо было только зачерпнуть. Как тогда, с маминим Сибиряком.

Вот и Люська уехала к чертовой матери. Потому что со мной ей было по-хорошему предсказуемо. Ее, впечатлительную, это могло напугать до смерти. Как перспектива неизлечимого заболевания. Устрашить такую, которая умеет любить просто так. Я бы сказал, любить хаотически.

Она дарила подарки не обязательно ко дню и не обязательно в ответ, а по импульсивной потребности. Вроде такой, когда сердечный спазм принуждает немедленно подать милостыню. Извините экивок, облегчить — жалостью. Или любовью. Не вижу существенной разницы.

Поглядите, морская абразия жрет же себе сушу. Но берег невозможно зафиксировать намертво, заставить стоять навтыжку. Потому что он — как звучащая струна, колеблется. Надо обеспечивать ему люфт. Красота, наверное, бывает только мгновенной. Мгновенно облеченный, исказившийся мимолетной улыбкой хаос — и есть упорядоченность. С этим приходится смириться, когда кудахчешь о "вечной любви".

И вообще, что оно такое, любовь?

...Была у меня одна жена. Хорошая, не то, что я, порядочная, но очень беспорядочная, неорганизованная. Так вот эта жена однажды привезла мне откуда-то издалека дефицитные в то советское время сапоги. Замечательные сапоги. Единственный их недостаток заключался в том, что оба они оказались на левую ногу. Один — сорок третьего, а другой — сорок четвертого размера.

Жена эта сильно расстроилась. А я и того больше. Чуть не расплакался. Но по иной причине. Просто сообразил, как было дело. Покупательни-

ца радостно схватила сапог моего размера и побежала расплачиваться. А покуда доскакала до кассы, так подумала, что надо бы взять на размер больше, чтоб на шерстяной носочек бы надевался и чтобы, значит, потеплее. Вот оно и вышло. Я тогда и понял, что такое эта любовь. Непредсказуемо прочувствовал. И теперь, сто лет спустя, случай этот вспомню — и любовь вспомню. А если вы не поняли, так тут уж ничего не попишешь.

То вдруг неорганизованная беспорядочность оборачивается ясновидением. Вот моя любимая подруга Яна парадоксально жалуется астрологические прогнозы, что совершенно алогично ее математически стройному, прозрачному, какому-то монументальному даже сознанию. Узнаешь ее, и словно быходишь в античные портики, под сень колоннад, в Пропилеи. Которые в то же мгновение распадаются и растворяются в пустынном времени и пространстве, будто компьютерная графика. На экране монитора остается струящийся след — то ли "бегущая строка", то ли "летающий предмет". Сначала это раздражает. Но со временем привыкаешь.

